

ТОТАЛИТАРИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ: К ПРОБЛЕМЕ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ

В. О. СТАШИС¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются основные этапы трансформации понятия «тоталитаризм» в сфере социогуманитарного знания. Исследуется проблема расширения диапазона существующих концепций тоталитарных режимов в условиях постиндустриального и информационного обществ. При этом особая роль в развитии теории тоталитарного общества отводится франкфуртской школе, позволившей освободить понятие «тоталитаризм» от статистических коннотаций, указав на особую роль культурных и психологических факторов в формировании тоталитарного мышления. Утверждается, что современные технологии, в большинстве своем сосредоточенные в руках транснациональных корпораций, являются ключевым поводом для продолжения эвристического поиска рабочей описательной модели понятия «тоталитаризм». Анализируется современное состояние дискуссий вокруг концепции тоталитарного общества, в которых прослеживается связь с актуальными технологическими тенденциями и грядущими социальными вызовами.

Ключевые слова: идеология; тоталитарный режим; либерализм; фашизм; религия; утопия; информационное общество.

TOTALITARIANISM IN MODERN SOCIAL PHILOSOPHY: TO THE PROBLEM OF CONCEPTUAL DEFINITION

V. O. STASHIS^a

^aBelarusian State University, 4 Niezalieznasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The main stages of transformation of the concept «totalitarianism» in the sphere of social and humanitarian knowledge are considered. The problem of expanding the range of existing concepts of totalitarian regimes in post-industrial and information societies is revealed. At the same time, a special role in the development of the theory of totalitarian society is assigned to the Frankfurt School, which made it possible to free the concept «totalitarianism» from etatistic connotations by pointing to the special role of cultural and psychological factors in the formation of totalitarian thinking. It is argued that modern technologies, mostly concentrated in the hands of transnational corporations, are a key reason for continuing the heuristic search for a suitable descriptive model of the concept of totalitarianism. The current state of discussions around the concept of totalitarian society is analyzed, in which the connection with current technological trends and future social challenges is traced.

Keywords: ideology; totalitarian regime; liberalism; fascism; religion; utopia; information society.

При сохранении очевидных коннотаций, связанных с тоталитаризмом как феноменом XX в., термин «тоталитаризм» активно используется в актуальной политической популистской риторике и, кроме того,

в современном социогуманитарном знании. В его смысловое поле неизбежно привносятся идеологические акценты прошлого века, и, следовательно, возникает вопрос о том, каким образом возможно

Образец цитирования:

Сташис ВО. Тоталитаризм в современной социальной философии: к проблеме концептуального определения. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2020;2:25–32.

For citation:

Stashis VO. Totalitarianism in modern social philosophy: to the problem of conceptual definition. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2020; 2:25–32. Russian.

Автор:

Владислав Олегович Сташис – аспирант кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – кандидат философских наук, доцент О. В. Новикова.

Author:

Vladislav O. Stashis, postgraduate student at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences.
phs.stashisvo@bsu.by

избавиться от коннотаций, связанных с контекстами XX в., при анализе современных версий тоталитаризма. Для понимания сути данной проблемы и формирования неангажированного взгляда на связанные с ней реалии необходимо исследовать различные интерпретации термина «тоталитаризм», соотнести его с историческим феноменом и оценить концептуальное наполнение данного понятия в социальных теориях.

Как отмечает российский историк В. И. Михайленко, говоря о тоталитаризме, мы имеем дело с тремя различными понятиями: реальным историческим фактом в виде тоталитарных режимов XX в., типологизированной концепцией тоталитарного государства и теорией тоталитаризма в форме умозрительной модели, разработанной в рамках сравнительного анализа политических явлений [1]. При этом нельзя утверждать, что существует консенсус по поводу того, способно ли столь идеологически и концептуально наполненное понятие адекватно отражать политические и социальные смыслы без привлечения в него лишних коннотаций.

Прилагательное «тоталитарный» сегодня может часто употребляться как синоним к словам «деспотичный» и «диктаторский», и при такой широкой трактовке генеалогия тоталитаризма может не только проследиваться вплоть до Древнего Египта, но и отсылать нас непосредственно к режимам первой половины XX в. (словосочетания «тоталитарное искусство» или «тоталитарная лингвистика», помимо прочего, указывают на хронологические и географические рамки исследования). Вместе с тем попытка соотнести понятие «тоталитаризм» с реальным социально-политическим объектом усложняется, если исследователь намерен обозначить референтный пример в условиях современного общества. Возникает необходимость обосновать как легитимность самой концепции, так и ее использование в совершенно иной технологической, информационной и экономической реальности. В связи с этим В. И. Михайленко справедливо указывает на возможность применения к понятию «тоталитаризм» термина «блуждающий феномен» [1, с. 182]. Мы можем выявить траекторию движения рассматриваемого понятия, что, в свою очередь, должно помочь в определении актуального смысла данного феномена и правомерности дальнейшего развития концепции тоталитаризма.

Активно встречающийся в СМИ, художественных произведениях и академических работах термин «тоталитаризм» изначально появился как своего рода экспрессивное выражение. Целью введения прилагательного *totalitario* (от лат. *totalis* – целый, полный) стала критика избирательной системы фашистской Италии: Дж. Амендола 23 мая 1923 г. употребил выражение *sistema totali-*

tario в своей статье «Большинство и меньшинство», охарактеризовав таким образом захватническую стратегию фашистской партии. Как замечает немецкий исследователь Й. Петерсен, таким способом Дж. Амендола не только указал на контраст фашистской избирательной системы на фоне ранее действующих *sistema maggioritario* и *sistema minoritario*, но и предупредил, что такая система грозит установлением неограниченной и абсолютной политической власти [2].

Новый термин был активно подхвачен антифашистской прессой, однако фашистские пропагандистские круги не стали отрицать обвинения в тоталитаризме, а начали активно употреблять это слово в программных речах, а позднее и вовсе сделали тоталитаризм частью собственной политической повестки. Й. Петерсен приводит слова члена фашистской партии Р. Ф. Даванзатти, произнесенные в феврале 1926 г.: «Если оппоненты скажут нам, что мы тоталитарны, мы доминиканцы, мы непримиримы, мы деспотичны, то не следует бояться этих прилагательных. Примите их с честью и гордостью...»¹ [2, р. 8].

Сама концептуализация понятия «тоталитарное государство» принадлежит философу Дж. Джентиле [3]. Специалист по Г. Гегелю, занимавший пост министра образования в правительстве Б. Муссолини, этот автор в статье «Доктрина фашизма» (опубликованной от лица дуче) преподносит фашизм как политический проект, позволяющий передать абсолюту, выраженному в форме государства, заботу о будущем и личном благе. В этом резонансном эссе утверждалось, что вне фашистской концепции государства не может существовать ни человеческих, ни духовных ценностей, ибо фашистское государство всеобъемлюще: «Понимаемый таким образом фашизм тоталитарен, и фашистское государство – синтез и объединение, включающее в себя все ценности, – объясняет, развивает и придает силу всей жизни народа» [4, с. 572]. Утопизм, стирание индивидуальных различий и этатизм станут характерной чертой всех тоталитарных проектов первой половины XX в., критика которых и послужит базисом для современной теории тоталитаризма. Как отмечает Б. Бонджованни, либеральный критик фашизма Дж. Амендола не мог знать, что, используя новое выражение, «он подарил лексикону политики один из самых удачных и мощных терминов столетия» [3, р. 5].

То, что слово «тоталитаризм» было подхвачено одновременно и сторонниками, и противниками фашизма, позволяет говорить о том, что в этом термине с самого начала присутствовала понятийная амбивалентность. Двойственность трактовки понятия позволяла брать его на вооружение сторонникам и этатизма в его крайних проявлениях,

¹Здесь и далее перевод мой. – В. С.

и либеральной оппозиции. Неоднозначность в понимании этого феномена сохраняется и сегодня. Так, российский исследователь А. А. Шанин упоминает о позитивной трактовке тоталитаризма в контексте новых опасностей и вызовов, стоящих перед современным государством, решившим осуществить контроль над безопасностью своих граждан. Эти угрозы обосновывают актуальность обращения к феномену тоталитаризма со стороны политологического и философского экспертных сообществ, ведь, согласно утверждению автора, «безопасность государства, включая его безопасность от отдельной личности, достигается именно при тоталитарном типе политической системы» [5, с. 90]. При этом именно в контексте и в условиях «века массовой демократии» и курса мирового сообщества на глобальную борьбу с террористической угрозой стало возможно реализовать на практике ключевую функцию тоталитаризма, до этого существовавшую в виде теоретической абстракции. Речь идет о тотальном присутствии государства во всех сферах общественной жизни. В качестве примера А. А. Шанин ссылается на Закон о патриотизме, принятый в Соединенных Штатах Америки после терактов 11 сентября 2001 г. и позволивший значительно расширить полномочия спецслужб по вмешательству в личную жизнь граждан. Обоснованием этому послужила борьба с международным терроризмом [5].

Литературовед и историк В. Страда рассматривает два любопытных факта, дополняющих историю возникновения термина «тоталитаризм»: его употребление в качестве как негативной, так и позитивной характеристики фашистского режима в зависимости от идеологической ангажированности актора высказывания. Так, левый немецкий журналист А. Паке упомянул это понятие в 1919 г., ссылаясь на исследователя фашизма Э. Нольте. В. Страда отмечает, что, выявив тенденцию новой власти «связать воедино» всю социально-политическую реальность, публицист в своей корреспонденции из Москвы пишет о «ленинском революционном тоталитаризме» [6, с. 85]. Второй факт касается известной реакции папы Пия XI, негативно отреагировавшего на присвоение фашизмом позитивно трактуемого понятия «тоталитаризм». Понтифик настаивал, что если что-то и способно всецело (т. е. тотально) поглотить человека, то это не государственный режим, а режим церкви, «потому что человек полностью принадлежит церкви, должен ей принадлежать, так как человек – творение Господа» [6, с. 85]. В. Страда считает, что в устах папы содержание слова «тоталитаризм» противоположно смыслу деятельности идеополитических тоталитарных режимов, стремившихся заменить веру идеологией, а традиционную трансцендентную сакральность – имманентной [6].

То, что термин «тоталитаризм» возникает параллельно и в большевистской России, и в фашистской Италии, и то, что антирелигиозный характер обсуждаемого явления явно и отчетливо проступал уже на первых этапах функционирования названных режимов, существенно дополняет контекст осмысления концепции тоталитаризма. Важно и то, что философы русской эмиграции сыграли значительную роль на ранних этапах исследования феномена тоталитарного государства. Так, Н. А. Бердяев говорит об иррациональном характере политической системы, приобретающей характер культа: «Коммунистическая партия по своей структуре, по душевному складу своих адептов представляет что-то вроде атеистической секты, религиозной атеистической секты, захватывающей в свои руки власть» [7, с. 136]. Философ интерпретирует понятие «тоталитаризм» положительно (позднее об этом то же скажет и В. Страда): это отражение духовного единства человека и Бога в религиозной системе мира. Тоталитаризм требует целостности веры – так можно суммировать оригинальное понимание Н. А. Бердяевым истинного предназначения этого явления, поэтому русский мыслитель логично критикует антирелигиозный строй, входящий в онтологическое противоречие с присущими ему тоталитарными амбициями: «Коммунистическое общество и государство претендуют быть тоталитарными. Но это и есть основная ложь. Тоталитарным может быть лишь царство Божье, царство кесаря всегда частично» [7, с. 126]. Секулярная религиозность, в которой Н. А. Бердяев обвиняет тоталитарные режимы, неспособна дать рациональный ответ на политические, экономические и социальные запросы, так как вследствие специфичности идеологического восприятия действительности она стремится к созданию собственной квазиреальности внутри установившегося режима.

Говоря об идеологии тоталитаризма, необходимо вспомнить другого русского мыслителя первой половины XX в. – Н. В. Устрялова. Большое влияние на этого представителя правого национал-большевизма оказала концепция восстания масс, описанная Х. Ортегой-и-Гассетом в его одноименном труде 1929 г. и оказавшаяся в центре интеллектуальных дискуссий XX в. Н. В. Устрялов одним из первых отреагировал на революционные изменения в Италии и Германии и дал им критическую оценку, обратив особое внимание на новый социальный феномен – массы. Так, в книге «Германский национал-социализм» (1933) он говорит, что успех «партии массы – это поветрие, коллективный гипноз, если угодно, психоз» [8, с. 5], подчеркивает актуальность массовых движений, чей характер не только механистичен, но и страстен. В массовых движениях человек исполняет роль незначительного элемента, винтика системы, но в то же время

преисполнен веры в общую идею. Все это позволяет Н. В. Устрялову охарактеризовать фашистский и большевистский строй как идеократию (при некоторых различиях национал-социализм, по убеждению мыслителя, тоже является режимом, родственным фашистскому типу), как политическое формирование, движимое идеей (или идеологией). Примечательно, что успех фашистской и национал-социалистической диктатур Н. В. Устрялов связывает с кризисом и капитализма, и демократии, перестающей отвечать на запросы всех слоев населения. Для элиты демократия перестала быть надежной опорой в период социально-революционных потрясений, а массы все больше убеждаются в том, что этот строй не способен дать ни хлеба, ни веры [8]. Отметим, что подобные настроения встречаются и в начале XXI в., в том числе появляются дискуссии о новых типах тоталитаризма.

Как заметил российский историк Ю. И. Грицкий, хотя в 1930-х гг. о тоталитаризме постоянно пишет пресса по обе стороны Атлантики, этот период представлен довольно скудными эмпирическими данными и невысоким уровнем анализа данного явления [9]. Поэтому именно работа Н. А. Бердяева «Истоки и смысл русского коммунизма» стала ответом на весьма поверхностные журналистские суждения о столь комплексном феномене. Другой важный труд, оказавший фундаментальное влияние на осмысление концепции тоталитаризма, вышел еще в 1922 г.: это книга Л. Мизеса «Социализм». Она не была посвящена непосредственному изучению тоталитарного режима как феномена. Автор исследовал противоречия между либеральным капитализмом и социализмом, тем самым обозначив дихотомию, которая для многих теоретиков станет отправной точкой в концептуализации рассматриваемого термина.

Одна из центральных тем исследований Л. фон Мизеса – возможность рационального экономического расчета в социалистических обществах. Экономист пришел к заключению о невозможности адекватной калькуляции в экономике социалистического государства, т. е., по сути, об отсутствии в нем экономики в привычном смысле этого слова. Итальянский исследователь политической философии Р. Кубедду при описании методологических и теоретических особенностей подхода, характерного для названного австрийского философа, подчеркивает: «Цель, которую поставил перед собой Мизес, состояла в том, чтобы показать, что центральным элементом социализма была теория спасения человечества и искупления его грехов, включавшая и моральные, и материальные аспекты» [10, с. 187]. Это согласуется с восприятием тоталитарного режима как квазирелигиозной политической формации, что являлось центральным пунктом бердяевской критики тоталитаризма. Л. фон

Мизес сделал вывод о том, что социализм – это иррациональная экономическая система: «Сегодня признание социалистических идей может означать только полное невежество в области экономики. Социалистические утверждения так же пусты и неосновательны, как высказывания магов и астрологов» [11, с. 371].

Труд Л. фон Мизеса задал траекторию для дальнейшего развития концепции тоталитарного общества как антипода общества либерального. Так, уже в 1944 г. выходит работа «Дорога к рабству» еще одного представителя австрийской школы Ф. Хайека, основателя философии либертарианства. А в 1945 г. свет увидела книга австрийского мыслителя К. Поппера «Открытое общество и его враги», посвященная генезису концепции тоталитарного общества. Как отмечает Л. В. Слуцкая, в своих трудах Л. Хайек и К. Поппер с разных позиций обосновывают «идею об извечной дихотомии либерального и тоталитарного начал в жизни социума» [12, с. 57].

Ключевые исследования тоталитарного общества, в которых понятие «тоталитаризм» окончательно оформляется, относятся к 1950-м гг. На основании компаративного анализа итальянского фашизма, немецкого национал-социализма и сталинизма была предложена концепция тоталитарного общества, которую современные исследователи связывают с понятием «классический тоталитаризм». Так, на противопоставлении с классическим тоталитаризмом (*classical totalitarian regimes*) строится концепция инвертированного тоталитаризма, возникшая уже в XXI в. Среди работ вышеназванного периода, посвященных феномену тоталитаризма, отдельно стоит выделить «Истоки тоталитаризма» Х. Арендт и «Тоталитарная диктатура и автократия» К. Фридриха и З. Бжезинского: это действительно фундаментальные исследования предпосылок возникновения рассматриваемого явления, где проанализированы его принципиальные особенности.

Скрупулезный и масштабный подход Х. Арендт отличается тем, что философ не ограничивается выявлением исключительно социологических, идеологических или экономических аспектов тоталитарного строя. Автор, опираясь на обширную фактологическую и теоретическую базу, характеризующую предвоенный, военный и последующий периоды, приходит к выводу о том, что именно режимы И. Сталина и А. Гитлера могут служить корректным историческим примером тоталитаризма. Как отмечает М. А. Малышев, анализ Х. Арендт сфокусирован на «структурных сходствах обоих режимов, которые она считает более важными, нежели их специфические отличия» [13, с. 300]. Имеются в виду различия между конкретными типами тоталитарного строя, так как специфичность

гитлеровского и сталинского режимов не только свидетельствует об их непохожести на привычные формы диктатуры, тирании или автократии, но и говорят в целом о девиантном характере тоталитаризма в контексте всей мировой политики. Эта особенность тоталитаризма, если сравнивать его со всеми предыдущими историческими формами государственной власти, – причина того, почему, по мнению Х. Арендт, термин «тоталитарный» должен употребляться «осторожно и благоразумно» [14, с. 13].

Тоталитаризм невозможно спутать с любым другим политическим режимом, так как он совершенно несовместим с человеческой индивидуальностью: «Где бы он ни правил, он начинал разрушать саму сущность человека. <...> Лагеря являются поистине центральным институтом организованной тоталитарной власти» [14, с. 32, 569]. Именно в концентрационных лагерях выражена чудовищная и дегуманизирующая логика тоталитарного строя, в рамках которой всякая форма социального взаимодействия лишается привычного смысла. У индивида, ставшего заложником этого иррационального режима, попросту атрофируется механизм эмпатии. Однако подобные психологические трансформации вписываются в рамки парадигмы тоталитарной идеологии, стремящейся переизобрести политику, историю и самого человека.

Крайне влиятельна и работа «Тоталитарная диктатура и автократия» К. Фридриха и З. Бжезинского. Авторы пытаются полемизировать с рядом концепций тоталитаризма, предлагают свой взгляд на ключевые особенности тоталитарных режимов, подчеркивая: «Тоталитарная диктатура в определенном смысле является адаптацией автократии к индустриальному обществу XX в.» [15, р. 15]. Говоря об автократии тоталитарных режимов, аналитики отмечают, что строй, называемый сторонниками тоталитарной политики народной демократией, на поверку оказывается выражением воли нескольких правящих лидеров, решение которых преподносится как воля народа и не может подвергаться никакому сомнению. Это значит, что автократию и тоталитаризм роднит полное отсутствие подотчетности власти: она единолично определяет законы и нормы. В остальном же тоталитаризм предстает как чистый пример *sui generis*. Это предположение авторы подкрепляют тезисом о том, что существование тоталитарных режимов стало скорее результатом сложившейся политической ситуации, чем целенаправленной программы основателей строя [15]. Подчеркивая сходство тоталитарных режимов левого и правого толка, исследователи выделили следующие особенности тоталитарного «синдрома»: государственная монополия на все средства производства и экономики, главенство одной партии, идеологизация всей жизни общества, монопо-

лия на СМИ, практически полная монополия на все виды вооружения, система психологического и физического террора, осуществляемая силами партии и через полицейский контроль [15]. Эти шесть признаков являются ключевыми, но не исчерпывающими в характеристике тоталитарного режима.

Концепция К. Фридриха и З. Бжезинского предлагает воспринимать термин «тоталитаризм» как антоним термина «демократия», при этом имеется в виду демократия западного типа (сами авторы подчеркивают, что именно массовая демократия породила возможность возникновения тоталитарных государств) [15]. Данный подход активно критиковался и дополнялся. Исследователи подчеркивали ригидность тоталитарного синдрома, отрицающего возможность эволюционных изменений внутри тоталитарных режимов. В статье «Дисфункциональный тоталитаризм» З. Бжезинский напоминает о том, что К. Фридрих принимал точку зрения, согласно которой тоталитаризм является относительной, а не абсолютной категорией [16].

Существенное влияние на восприятие тоталитаризма оказала франкфуртская школа. Работы Т. Адорно, Г. Маркузе, Э. Фромма не только позволили осмыслить истоки тоталитаризма с позиции психоанализа, неомарксизма и эстетической теории, но и дали основания для того, чтобы проследить тоталитарные тенденции в странах развитого капитализма. Так, в книге «Бегство от свободы» немецкого социолога, философа и психоаналитика Э. Фромма психологическая привлекательность тоталитарного режима для большого числа социально отчужденных людей называется одной из предпосылок возникновения названного феномена. Решение полностью подчинить себя официальной идеологии и конструируемой в ее рамках социальной жизни дарит иллюзорный шанс на преодоление комплекса собственной неполноценности. Этот процесс Э. Фромм описывал так: «Индивид целиком отрекается от себя, отказывается от силы и гордости своего Я, от собственной свободы, но при этом обретает новую уверенность и новую гордость в своей причастности к той силе, к которой теперь может себя причислить» [17, с. 165]. Этой силой становится внутри тоталитарного строя раса, партия, национальность и др. Э. Фромм объявляет тоталитарные тенденции результатом неготовности массового человека взять ответственность за собственную судьбу.

В философии Г. Маркузе, другого представителя франкфуртской школы, феномен тоталитаризма уже прямо соотносится с реалиями капиталистического общества. В работе «Одномерный человек» немецко-американский философ указывает, что секрет проблемы человеческого конформизма, даже в условиях нарастания тоталитарных тенденций, довольно очевиден. Предоставив человеку

приемлемые условия жизни, государство уже может не беспокоиться о том, что методы управления, которыми эти условия обеспечены, будут человеку интересны. Г. Маркузе утверждал, что человеку безразличен режим, если растет уровень удовлетворения его основных потребительских нужд [18]. При увеличении уровня достатка человека возможность смещения даже преступного политического режима воспринимается им как нонсенс, грозящий крушением всего сложившегося уклада. Принципы свободы и прав личности теряют свою приоритетность. Если в таком обществе и повышается благосостояние, то через пропаганду материальных потребностей. Для того и создается целая рекламная индустрия, чтобы стимулировать возникновение материалистических ценностей. Реклама влияет на формирование индивидуальных устремлений, идей и поступков, они приводятся в соответствие с логикой социально-экономической и политической систем, благодаря чему «возникает модель одномерного мышления и поведения» [18, с. 275]. Именно отчуждая человека от его собственной индивидуальности, тоталитаризм, по мнению философа, способен управлять массами.

В интерпретации тоталитарного общества, предложенной Г. Маркузе, мы можем отметить одну из ключевых проблем концепции тоталитаризма, на которую обращали внимание и на ранних этапах ее развития: утопический характер классической модели тоталитарного общества, подразумевающий полный контроль над частной и общественной жизнью. Утопизм приводит к тому, что понятие «тоталитаризм» начинает терять свой объективный характер и становится дескриптивным маркером.

Неудивительно, что рассматриваемый термин приобретает в дальнейшем множество дефиниций, а теория тоталитарного общества – разнообразные формы. Целью расширенных концепций становится объяснение актуальных кризисов в социальной и политической сферах. Так, в противовес классическому тоталитаризму, где господствует государственный аппарат и созданная им идеология, выделяется так называемый капиллярный тоталитаризм, при котором навязываемая самим социумом система специфических ценностей совершает насилие над личностью [12, с. 59]. Противопоставление классического и капиллярного тоталитаризма можно соотнести с противопоставлением европейского светского и исламского политических режимов.

Появляются и другие теории тоталитарного общества: постмодернистский тоталитаризм, информационно-финансовый, цифровой, ранее упоминавшийся инвертированный [19–22] и др. Понятие тоталитаризма, случается, покидает сферу политического, преследуя современного человека в его корпоративных отношениях [21]. Как удачно

отмечает американский исследователь Т. Цезарато, касаясь показательной эволюции концепции тоталитаризма в *soft*-тоталитаризм, «переходы, отмечающие этот сдвиг, многочисленны и часто несут в себе зловещий риск снятия конститутивных различий между явными и *soft*-формами тоталитаризма. Власть понимается как управление “иллюзией” автономности и “реальностью” подчинения посредством терминологических сдвигов и совершенствования методов порабощения» [23, р. 78].

Технологии индустриального общества дали классическим тоталитарным режимам инструментарий, позволивший уничтожить миллионы человеческих жизней, поэтому нельзя утверждать, что страх простых людей перед применением постиндустриальных технологий, которые могут использоваться для порабощения общества, является безосновательным и многочисленные концепции так называемого нового тоталитаризма стремятся описать не реальную (или потенциально возможную), а вымышленную тоталитарную систему. При этом не стоит думать, что контроль за частной и общественной жизнью, приписываемый тоталитаризму исследователями, должен обязательно исходить от легитимного правительства. Стратегия ведущих IT-компаний все чаще попадает под определение *surveillance capitalism* (капитализм слежения). Х. Вэриан, ведущий экономист компании *Google*, в своем публичном выступлении в 2014 г. говорил о том, что современные технологии слежения и *big data* позволяют компании предсказывать желания пользователя до того, как они будут озвучены. Европейские исследователи В. Хендрикс и М. Вестергаард отмечают, что, «по мнению Вэриана, ликвидация приватности – это (справедливая) цена, которую нужно заплатить, но не за общественный порядок и гармонию, а за функциональность, эффективность и удобство продуктов и услуг, предоставляемых пользователям *Google*» [21, р.126–127]. В этом контексте примечателен вывод Г. Маркузе о том, что «развитая индустриальная цивилизация – это царство комфортабельной, демократической несвободы» [18, с. 264].

Таким образом, можно сделать вывод, что в понятие «тоталитаризм», означающее критику фашистского режима, изначально вкладывались негативные коннотации, и это не помешало обосновать позитивную трактовку данного термина в контексте фашистской доктрины. Новая апроприация концепции тоталитаризма вызвала критику, но вплоть до завершения Второй мировой войны его чаще использовали журналисты, чем академические ученые. Можно заключить, что тоталитаризм начал осмысляться как феномен в период холодной войны.

После выхода работ Х. Арендт, К. Поппера, К. Фридриха понятие «тоталитаризм» прочно фундируется

в общественной памяти как антоним либерализма и демократии. Однако оригинальный анализ тоталитарных тенденций представителями франкфуртской школы позволил выявить признаки тоталитарной личности и охарактеризовать тоталитарность массовой культуры. Тоталитаризм перестал восприниматься как противоположность либеральному капитализму. Напротив, внутренней логике последнего оказалось присуще аналогичное желание подчинить себе внутреннюю жизнь индивида, стремление к диктату идеологических штампов. С развитием таких технологий, как искусственные нейросети и *big data*, подобные тенденции найдут свое отражение в концепциях информационного и цифрового тоталитаризма.

На протяжении длительного исторического периода понятие «тоталитаризм» часто используют лишь как маркер антилиберальных тенденций в политике государства. Тем не менее это явление продолжает развиваться и уточняться. Активная дискуссия по поводу термина «тоталитаризм» – признак того, что общество продолжает переосмысливать собственное пространство свободы. Критика воздействия корпоративных и государственных структур на личную и профессиональную жизнь не элиминирует сам факт влияния. Это значит, что даже при отсутствии универсальной описательной модели определенные тоталитарные тенденции по-прежнему нуждаются в изучении.

Библиографические ссылки

1. Михайленко В.И. Современные исследования тоталитаризма. *Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры*. 2011;86(1):181–192.
2. Petersen J. The history of the concept of totalitarianism in Italy. In: Maier H, editor. *Totalitarianism and Political Religions. Volume 1. Concepts for the comparison of dictatorships*. London: Routledge; 2004. p. 3–20.
3. Bongiovanni B. Totalitarianism: the Word and the Thing. *Journal of Modern European History*. 2005;3(1):5–17. DOI: 10.17104/1611-8944_2005_1_5.
4. Мельвил АЮ, Шмачкова ТВ, редакторы. *Категории политической науки*. Москва: Московский государственный институт (Университет) МИД РФ; 2002. 656 с. Совместно с издательством «Российская политическая энциклопедия».
5. Шанин АА. Новый тоталитаризм. *Вестник Волгоградского государственного Университета. Серия 9. Исследования молодых ученых*. 2007;6:90–92.
6. Страда В. Тоталитаризм/тоталитаризмы. В: Блюменкранц МА, составитель. *Вторая навигация*. Харьков: Права людини; 2011. с. 84–98.
7. Бердяев НА. *Истоки и смысл русского коммунизма*. Москва: Наука; 1990. 224 с.
8. Устрялов НВ. *Германия. В круговороте фашистской свастики*. Москва: Алгоритм; 2012. 272 с.
9. Игрицкий ЮИ. Концепции тоталитаризма: уроки многолетних дискуссий на Западе. *История СССР*. 1990; 6;172–190.
10. Кубедду Р. *Либерализм, тоталитаризм и демократия: политическая философия австрийской школы*. Куряев А, переводчик. Челябинск: Социум; 2014. 406 с.
11. Мизес Л. *Социализм. Экономический и социологический анализ*. Пинскер Б, переводчик; Левита Р, редактор. Москва: Catallaxy; 1994. 416 с.
12. Слуцкая ЛВ. Феномен тоталитаризма в современной западноевропейской политологии. *Вестник БДУ. Серия 3. Гісторыя. Эканоміка. Права*. 2012;1:56–59.
13. Малышев МА. Концепция тоталитаризма в творчестве Ханны Арент. *Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук*. 2010;10:297–328.
14. Арент Х. *Истоки тоталитаризма*. Ковалева МС, Носов ДМ, редакторы; Борисова ИВ, Кимелев ЮА, Ковалев АД, Мишкенене ЮБ, Седов АА, переводчики. Москва: ЦентрКом; 1996. 672 с.
15. Friedrich CJ, Brzezinski ZK. *Totalitarian dictatorship and autocracy*. Cambridge: Harvard University Press; 1965. 439 p.
16. Brzezinski Z. Dysfunctional totalitarianism. In: Friedrich CJ, Beyme K. *Theory and politics. Festschrift zum 70*. Haag: Martinus Nijhoff; 1971. p. 375–389.
17. Фромм Э. *Бегство от свободы. Человек для себя*. Лактионов А, составитель; Швейник ГФ, Чернышева ЛА, переводчики. Москва: АСТ; 2006. 571 с.
18. Маркузе Г. *Эрос и цивилизация. Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества*. Москва: АСТ; 2003. 526 с.
19. Diamond L. The road to digital unfreedom: the threat of postmodern totalitarianism. *Journal of Democracy*. 2019; 30(1):20–24. DOI: 10.1353/jod.2019.0001.
20. Пугачев ВП. Информационно-финансовый тоталитаризм: российский эксперимент по американскому сценарию. *Вестник МГУ. Серия 12. Политические науки*. 1999;4:3–32.
21. Hendricks VF, Vestergaard M. Epilogue: digital roads to totalitarianism In: Hendricks VF, Vestergaard M. *Reality lost*. Cham: Springer Open; 2019. p. 119–137. DOI: 10.1007/978-3-030-00813-0_7.
22. Wolin SS. *Democracy incorporated: managed democracy and the specter of inverted totalitarianism*. Princeton: Princeton University Press; 2017. 376 p.
23. Cesaratto T. Changes in totalitarianism: Hannah Arendt, Franz Fühmann, and George Saunders. *The Germanic Review: Literature, Culture, Theory*. 2011;86(2):73–92. DOI: 10.1080/00168890.2011.564109.

References

1. Mihailenko VI. [The contemporary research of the totalitarianism]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*. 2011;86(1):181–192. Russian.
2. Petersen J. The history of the concept of totalitarianism in Italy. In: Maier H, editor. *Totalitarianism and Political Religions. Volume 1. Concepts for the comparison of dictatorships*. London: Routledge; 2004. p. 3–20.
3. Bongiovanni B. Totalitarianism: the word and the thing. *Journal of Modern European History*. 2005;3(1):5–17. DOI: 10.17104/1611-8944_2005_1_5.
4. Mel'vil' AYu, Shmachkova TV, editors. *Kategorii politicheskoi nauki* [Political science categories]. Moscow: Moscow State Institute (University) of Foreign Affairs of the Russian Federation; 2002. 656 p. Co-published by the «Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya». Russian.
5. Shanin AA. [New totalitarianism]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 9. Issledovaniya molodykh uchenykh*. 2007;6:90–92. Russian.
6. Strada V. [Totalitarianism/totalitarianisms]. In: Blumenkrants M, compiler. *Vtoraya navigatsiya* [Second navigation]. Kharkiv: Prava Iudyny; 2011. p. 84–98.
7. Berdyaev NA. *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The origin of Russian communism]. Moscow: Nauka; 1990. 224 p. Russian.
8. Ustryalov NV. *Germaniya. V krugovorote fashistskoi svastiki* [Germany. In the curcle of fashist swastika]. Moscow: Algoritm; 2012. 272 p. Russian.
9. Igrickij JuI. [Concepts of totalitarianism: lessons from many years of the discussions in the West]. *Istoriya SSSR*. 1990; 6:172–190. Russian.
10. Cubeddu R. *Liberalizm, totalitarizm i demokratiya: politicheskaya filosofiya avstriiskoi shkoly* [Liberalism, totalitarianism and democracy: the political philosophy of the Austrian school. Philosophy of the Austrian school]. Chelyabinsk: Sotsium; 2014. 406 p. Russian.
11. von Mises L. *Die Gemeinwiztschaft: Untersuchungen uber den Sozialismus*. Jena: Verbag von Gustav Fischer; 1922. 502 S. Russian edition: von Mises L. *Sotsializm. Ekonomicheskii i sotsiologicheskii analiz*. Moscow: Catallaxy; 1994. 416 p.
12. Slutskaya LV. The phenomenon of totalitarianism in modern Western European political science. *Vesnik BDU. Seriya 3. Gistoryja. Jekonomika. Prava*. 2012;1:56–59. Russian.
13. Malyshev MA. Concept of totalitarianism in the works of Hannan Arendt. *Nauchnyi ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk*. 2010;10:297–328. Russian.
14. Arendt H. *Istoki totalitarizma* [The Origins of totalitarianism]. Kovaleva MS, Nosov DM, editors; Borisova IV, Kimelev YuA, Kovalev AD, Mishkenene YuB, Sedov AA, translators. Moscow: TsentrKom; 1996. 672 p. Russian.
15. Friedrich CJ, Brzezinski ZK. *Totalitarian dictatorship and autocracy*. Cambridge: Harvard University Press; 1965. 439 p.
16. Brzezinski Z. Dysfunctional totalitarianism. In: Friedrich CJ, Beyme K. *Theory and politics. Festschrift zum 70*. Haag: Martinus Nijhoff; 1971. p. 375–389.
17. Fromm E. *Begstvo ot svobody. Chelovek dlya sebya* [Escape from freedom. Man for himself]. Laktionov A, compiller; Shveinik GF, Chernysheva LA, translators. Moscow: AST; 2006. 571 p. Russian.
18. Markuze G. *Eros i tsivilizatsiya. Odnomernyi chelovek. Issledovanie ideologii razvitogo industrial'nogo obshchestva* [Eros and civilization. One-dimensional man. The study of the ideology of a developed industrial society]. Moscow: AST; 2003. 526 p. Russian.
19. Diamond L. The road to digital unfreedom: the threat of postmodern totalitarianism. *Journal of Democracy*. 2019;30(1): 20–24. DOI: 10.1353/jod.2019.0001.
20. Pugachev VP. [Information and financial totalitarianism: a Russian experiment on American scenario]. *Vestnik MGU. Seriya 12. Politicheskie nauki*. 1999;4:3–32. Russian.
21. Hendricks VF, Vestergaard M. Epilogue: digital roads to totalitarianism In: Hendricks VF, Vestergaard M. *Reality lost*. Cham: Springer Open; 2019. p. 119–137. DOI: 10.1007/978-3-030-00813-0_7.
22. Wolin SS. *Democracy incorporated: managed democracy and the specter of inverted totalitarianism*. Princeton: Princeton University Press; 2017. 376 p.
23. Cesaratto T. Changes in Totalitarianism: Hannah Arendt, Franz Fühmann, and George Saunders. *The Germanic Review: Literature, Culture, Theory*. 2011;86(2):73–92. DOI: 10.1080/00168890.2011.564109.

Статья поступила в редколлегию 10.02.2020.
Received by editorial board 10.02.2020.